

«О ПОДВИГАХ, О ДОБЛЕСТИ, О СЛАВЕ...»

Почти на самом переломе весны к лету мне повезло быть участником события в городе почти незамеченного. Исторический факультет АГУ проводил свой ежегодный вечер. Самое главное впечатление, которое осталось после праздника надолго — это молодые лица, заполнившие самый большой конференц-зал Алтайского госуниверситета на ул. Димитрова. Полный зал историков! Будущих и состоявшихся, если иметь ввиду преподавателей: от молодых до восьмидесятилетних...

Позже, раздумывая о том, сколь многолик мир будущих носителей исторического знания, я попробовал выделить один вектор исследования — воинская слава Алтая до 1917 г. и, к сожалению своему, не вспомнил какой-либо заметной работы по этой теме. Разве что публикации Н.Я. Савельева в дни празднования 150-летия Бородинской битвы да история Барнаульского полка, опубликованная Н.Д. Ростовым. В том, что нет обширных и подробных работ — нет никакого моего упрека. Каждый историк оттачивает свой аналитический скальпель на оселке излюбленной темы. Должен еще раз отметить, что воинская слава дореволюционного Алтая к таковым не относится. Между тем, есть в Барнауле каменный свидетель воинского пути русских людей начала XX века.

...По праву свидетеля здесь мне необходимо вернуться в начало 90-х годов. Тогда в Барнауле еще никто и не думал о том, что училище военных летчиков будет ликвидировано весьма решительно и торопливо. Однажды я рассказал своему доброму знакомому офицеру летчику, как мы с оператором краевого телевидения и поэтом, капитаном II ранга Игорем Пантюховым весной 1988 пытались войти в Никольскую церковь и как нас встретил на пороге бывшего храма его тогдашний хозяин — начальник политотдела училища военных летчиков. Начальник, едва увидел телекамеру, распорядился: «Никаких съемок!» «Но ведь это же Никольский гарнизонный храм... — попытались возразить мы, — нам бы только на минутку, войти и снять эпизод...» «Здесь не храм. Здесь клуб» отрезал полковник и кудрявая серая недогнувшая папаха своим каракулево-стальным цветом подтвердила его волю. И он добавил еще: «Говорить с вами буду не здесь, а в политотделе». В его кабинете предусмотренные военно-партийным этикетом любезности быстро иссякли. Начальник был решительно против вмешательства гражданских лиц в жизнь солдатского клуба, в котором новоявленные видеодейтели начали крутить порнухи. Тогда же я вспомнил, как во время подготовки к Празднику славянской письменности и культуры оргкомитет предложил устроить в бывшей церкви концерт, в котором прозвучали бы духовные песнопения. И на это реакция политотдела была краткой: «Никаких песнопений!» В беседе с моим приятелем, военным летчиком, я посетовал тогда на неуступчивость администрации училища. Ну, не хотела она впускать кого-то «постороннего» в храм. На это мой собеседник заключил: «Ты сталкивался только с политотделом. Так? Так. А это еще или уже не все училище. И насчет того: отдавать или не отдавать церковь городу, у нас думают не так одноупорно, как в политотделе...»

Вот это и кажется мне самым существенным: думали иначе, но решить ничего не могли! Вроде бы десять лет прошло с тех пор, как миновали пресловутые состояния нерешительности. И вот факт решительного поступка из «Летописи Барнаула» (из той ее части, которая пока не издана). «1991 г. май, 11. Впервые в истории города к нам прибыл Патриарх Московский и

всего Руси» Алексей II... Патриарх получил из рук начальника Барнаульского училища летчиков ключ от Никольской церкви, в которой размещался солдатский клуб».

Свершилось. Храму были возвращены честь и смысл. Но не горожане своим решением изыали из ограды военно-учебного заведения Никольскую церковь. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II обратился к министру обороны и тот единым росчерком пера вернул церковь городу. Этим увенчалось движение немногочисленной общественности, так и не получившей права самостоятельно, без министров, решать местные спорные состояния. А ведь попытки некоторые предпринимались. Вот факт все из той же изданной «Летописи Барнаула» «1989, май, 28. В городе прошел Праздник славянской письменности и культуры под знаком - архитектурный мариолог Барнаула. С макетами разрушенных церквей участники праздника прошли от библиотеки им. Шишкова к Никольской церкви, где открыта доска, напоминающая: здесь храм, а не солдатский клуб...»

...Весной 1993 г. я водил барнаульских пятиклашек из 122-й школы в Никольскую церковь посмотреть, как художники Андрей Аристов и Владимир Коньков расписывали потолок и стены храма. Согласитесь, зрелище для барнаульцев редкое, если не уникальное. Растерянно оглядывались ребятишки. И сюжеты росписи им были незнакомы, и устройство храмовое. Но в окна, с которых уже были сняты каменные шоры, выпускали под своды храма Божий свет, оживляя лики святых.

Впустив естество света в храмовое строение, давайте не забудем, что существует еще и свет национальной памяти.

«Храмозданная грамота» генерал-майору К. Холостову на строительство Никольской полковой церкви в Барнауле выдана Томской духовной консисторией 3 марта 1903 г. Тогда и утвержден закладной камень в основание храма. Строилась церковь по приказу военного министра А. Куропаткина. Это он в 1900 г. докладывал царю: «Представляется необходимым изыскать средства для постройки церквей при всех частях войск...» Министр называл такую меру как «самую насущную». Царь одобрил доклад Куропаткина, и тогда же был разработан типовой проект полковой церкви в 40 тысяч рублей.

9 февраля 1906 г. протоиерей А. Завадовский сообщил в Томскую консисторию военный храм во имя Святителя Чудотворца Николая освящен с участием протоиерея И. Попова и священников Н. Слободского, И. Горетовского, В. Златолучева. И вот с 1906 г. все, кто призывался на службу из Барнаула, принимали присягу в Никольском храме. Так было и с новобранцами, отправлявшимися на первую мировую. Об этой войне будет сказано позже, а пока я предлагаю вернуться в 1912 год к ступеням барнаульской полковой церкви. Тогда она была расцвечена праздничными штандартами, лентами и флагами. Над праздничной пестротой главенствовал транспарант «1812-1912». Город отмечал столетие Бородинской битвы. Каким образом окрестности барнаульских казарм на Полковой улице (ныне Партизанской) причастны к этому событию? Причастны напрямую так же, как и вся Россия.

В 1808 году из Барнаула к будущему театру военных действий ушел Томский мушкетерский полк, позже переименованный в пехотный. И совсем не исключено, что уходил он именно по Московскому переулку мимо того места, где через сотню лет одиноко возвысился Никольский храм (граница города в то время проходила по современной улице Анатолия). Не каждый день уходили из Барнаула полки в Европу, и это событие отразилось в летописи города.

Сибирские мушкетеры сражались под Бородино, часть полка удержала в тылу французов Бобруйскую крепость. Не менее героически проявили себя и сибирские гусары. Известно из материалов историка Н.Я. Савельева, что поручик К. Косовичев из Сибирского гусарского полка за Бородино представлен к ордену Святого Георгия. Вернулся на Алтай Косовичев еще и с медалью «За избавление России». Здесь, думаю, уместно будет напомнить историю учреждения ордена.

Георгиевский орден учрежден Екатериной II в 1769 г. Первый орден императрица повелела возложить себе на грудь... По настоящему награждались им офицеры за боевые подвиги. Орден Св. Георгия подразделялся на четыре степени, причем первый раз выдавалась низшая четвертая степень, в следующий раз более высокая 3-я, далее 2-я и, наконец, совершивший четвертый выдающийся подвиг мог быть представлен к награждению орденом Св. Георгия 1-й степени. Для награждения солдат и унтер-офицеров в 1807 г. Александр I учредил особый серебряный Георгиевский крест, имевший одну степень и носившийся на оранжево-черной «Георгиевской» ленте. Именно этой наградой была удостоена знаменитая «кавалерист-девица» Н.А. Дурова... В середине XIX века солдатский Георгиевский был подразделен на четыре степени (1-я и 2-я - золотые, 3-я и 4-я - серебряные).

...Земляк Косовичева З. Рукавишников воевал в составе Нежинского пехотного полка. Представлен к ордену Георгия, но получить его помешало ранение. Награду Рукавишникову вручили уже на Локтевском заводе, когда война отгромыхала.

В Крутоберезовской волости теперь это территория Казахстана по р. Убе, после Великой Отечественной 1812 г. хлебопашествовали три кавалера солдатского Георгия: И. Леонтьев, И. Русаков и С. Смольников, а в селе Верх-Ануйском такой же орден украшал грудь Г. Боровицкого. Называя немногочисленные имена, осмелюсь предположить, что среди воинов с Алтая, награжденных медалью «В память 1812 года», Георгиевских кавалеров было гораздо больше, чем известно сегодня. Но кто нашел их в архивных слоях? Вот потому и поразил меня конференцзал АГУ, наполненный историками...

Некоторые материалы для данной статьи я опубликовал в краевой газете двенадцать лет назад. Но вопросы, заданные в статье, так и остались неотвеченными по сей день. Вижу смысл вернуться к ним. События Отечественной войны 1812 года и её значение ныне приглашены в Сибирь. Подтверждением тому слабоактивная попытка отметить в Барнауле 190-летие Бородинской битвы. Кроме молодых кадров мало нашлось барнаульцев, пришедших в библиотеку Шишкова на выставку почтить память героев Бородинна. Могли бы взять на себя эту роль организующую военные летчики, но нет их ныне в Барнауле училище расформировано, а в его стенах теперь обучают милиционеры. Не нужны стали стране боевые соколы, куда нужнее оказываются милиционеры, как послушная внутрисоветская сила...

Вернусь к 1812 году. Масштабы и угрозы того памятного для мира года вполне сопоставимы с тем, что угрожало нам в 1941 году. Героям и участникам войны с фашизмом воздано, если не сполна, то в известной мере. Так же как и «афганцам», в затылок которым смотрят неназванные участники войны в Чечне. А за что, за какие города и хаты сражались сибиряки в 1812 году и почему мы не знаем, не помним их имена? Кроме, разумеется, тех, что прославлены в учебниках, фильмах и романах, есть еще имена, так сказать «провинциальные», погребенные под слоем национально-небрежения. Им не повезло.

Еще в большей степени не повезло сибирякам героям первой мировой. Их имена затмил блеск буденовских сабель. Даже участники брусиловского прорыва остались в тени революций 17-го года. Война 1914-1916 годов для нас это и поныне самая неизвестная война. Был повод вспомнил я об этом в беседе с краеведом В. Гришаевым. Вспомнил да и спросил: много ли у нас на Алтае Георгиевских кавалеров первой мировой? «А никто их и не считал», ответил краевед и принял считать ему известных: «Тибекин Павел Демьянович полный кавалер, он из села Осколково, теперь Алейского района; у Ефима Мамонтова два ордена Георгия, Кожин Никита - полный кавалер, Кайгородов Александр Петрович полный кавалер...

Найдутся и теперь ревнители большевистского будущего, воскликнут: «Эт какой Кайгородов? Белогвардеец? Да. Тот самый белогвардеец. Но, прежде чем уйти в Монголию с 37-ю штюками, и прежде чем оказаться противником большевиков, и Кайгородов, и множество других уходили на первую мировую. И не исключено, что, уходя, присягали на верность Родине в барнаульской Никольской церкви.

Мне не известно, откуда уходил на фронт участник первой мировой Архип Иванович Бубенин из села Карболиха Змеиногорского района. К 1917 г. он имел полный Георгиевский бант. Один из орденов он получил за спасение полкового знамени. В некогда знаменитой Барановке того же района (бывший колхоз им. Шумакова) жил Григорий Репин - то же Георгиевский кавалер. Его земляк Панкратий Вагантъевич Немцев до войны жил в далекой, запрятанной в горах Покровке Чарышского района. Накануне Октябрьского переворота он тоже имел четыре солдатских Георгия. После революции Немцев оказался на Алтае в партизанском отряде, участвовал в боях на сопке Малиновой, в Чарыше, Тулате. По сути противник лагеря Кайгородцев. Еще в 1954 Панкратий Вагантъевич Немцев возглавлял пчеловодческую базу района. Попытка получить фотографию Немцева через районный музей пока успеха не принесла. А ведь еще в 60-м году был такой снимок - Панкратий на нем при всех наградах... Остается надеяться, что на эту публикацию отзовутся его родственники из Покровки.

...У автора первого проекта храма Христа Спасителя в Москве архитектора Александра Витберга был прекрасный замысел - собрать прах всех российских воинов, погибших на полях войны 1812 года под своды храма на берегу Москва-реки, а на его стенах начертать имена всех участников сражений. Мы в чем-то приблизились ко второй части этого замысла на городских и сельских мемориалах войны 1941-45 гг. Но ни в

одном музее на Алтае не встретил я специальной, выделенной экспозиции, посвященной героям-сибирякам, воевавшим против армии Наполеона, а что уж говорить о русско-японской войне 1904-06 гг., а тем более о войне первой мировой. В лучшем случае можно встретить несколько фотокопий снимков тех лет. И, тем не менее, например в фондах военно-исторического отдела Алтайского краевого музея, больше известного в городе как «дом афганцев», хранятся боевые награды дореволюционной поры и среди них два солдатских Георгия 4-й и 3-й степеней. Но они в сундуках фондов, а не в экспозиции...

Заведующая военно-историческим отделом музея Надежда Александровна Лямина рассказала мне историю весьма примечательную. Разговор происходил, когда мы рассматривали фотографию Гавриила Анемподистовича Галдина георгиевского кавалера орденов 4-й и 3-й степеней. Судьба этого героя трагична. Бывшего поручика царской армии Галдина арестовали в пос. Доброволец Змеиногорского района, увезли в Барнаул и 25 ноября 1938 г. расстреляли. К счастью, не всех кавалеров ордена постигла такая участь. Как рассказывала Надежда Александровна, однажды она пригласила на встречу со школьниками участника Сталинградской битвы полковника ФСБ в отставке Федосенко Петра Ивановича. Встреча прошла у стендов, посвященных Великой Отечественной. А потом Петр Иванович уже в кабинете научных сотрудников достал из кармана четыре солдатских Георгиевских креста... Полный бант! На вопрос Ляминой «Чи это награды?», полковник ответил: «Моего отца - Ивана Федосенко. За первую мировую...

...Увы! Федосенковский полный бант солдатского Георгия в музее не остался.

На Алтае не раз выходили книги о героях войны с фашистской Германией. Одна из них так и называлась «Боевая слава Алтая». Сегодня еще не поздно озадачиться вопросом - а наши предки, участники всех предыдущих войн и удостоенные боевых наград - разве это не боевая слава Алтая?!

✠ Несколько лет назад я предлагал барнаульским архитекторам разработать проект сквера Георгиевских кавалеров, обсуждал этот замысел с настоятелем Никольского храма, поскольку предлагал разместить стелы с именами героев на осевой линии Ленинского проспекта прямо напротив входа в церковь. Архитекторы, начиная с главного в городе, патриотическим не воспылали, а церковное начальство поставило на замысле крест. В прямом смысле. Во дворе Свято-Никольской церкви поставлен большой деревянный крест в память обо всех погибших на всех войнах. Я уважаю христианские обетные традиции. Но в обряде воздвижения данного креста, в его последующем стоянии у храма есть определенная анонимность. На нем не напишешь имена героев войны 1812 года, войны первой мировой, составлявших боевую славу Алтая до 1917 г. Анонимности можно избежать, только назвав имена! И лучше на камне, чтобы избавиться от искушения любителей цветмета. Утверждать реально былую боевую славу надо именно со сквера Георгиевских кавалеров у Никольского храма. И вот почему. Эта церковь с самого своего основания не являлась приходской. Вот документ из Центра хранения архивного фонда Алтая (ФР. 531. Д. 61, л. 20): «Никольская церковь вместимостью до 700 человек до 1919 года служила исключительно для частей войск гарнизона г. Барнаул...

Сегодня в дни двенадцатых православных праздников я вижу у храма много военных фуражек и людей в форме казаков. Может быть они и не помнят слов старого сибирского казака Семена Ульяновича Ремезова, но к храму тянутся, надеясь укрепить и утвердить себя душевно. А казак Ремезов в начале XVIII века говорил и писал: «Душу имей аки воеводу, тело аки воина, дабы воин воеводе во всем покорен был, а не воевода воину». Осмелюсь утверждать, что дух воеводы на Руси утверждался не только именем Христовым, но и долгоживущим культом Св. Георгия. Культ, а по латыни «культус» означает ни что иное, как «поклонение». Отсюда и словцо прижившееся в русском «культура». Так вот, если существует культура национальной памяти, поклонение ей, то начинать нужно с имени, получившего широчайшую народную признательность. Именно таковым и был для русской души воитель - Егорий Георгий. Образ его сопровождал русских воинов со времен Ледового побоища. И задолго до того, как был утвержден статут ордена, изображение Св. Георгия появилось на наградных монетах. Вот что писал об этом в 1591 г. английский посол Джэйлс Флетчер: «Тому, кто отличится храбростью перед другими или окажет какую-либо особенную услугу, царь посылает золотой с изображением Св. Георгия на коне и это почитается самой большой почестью, какую только можно получить». И вот еще одно подтверждение высокочтимости и народности образа Св. Георгия. Когда орденом награждались не

православные, а иноверцы, в большинстве своем мусульмане, то вместо всадника на специальных экземплярах изображался двуглавый орел. Но герои-мусульмане требовали, настаивали, чтобы их награждали крестами не с орлом, а с «джигитом».

Насколько прочно в сознании людей даже неординарных укоренился образ Св. Георгия можно судить по памятнику Петру I на Сенатской площади в Петербурге. Даже насквозь западно мыслящий Морис Этьен Фальконет в своем шедевре процитировал общехристианскую легенду. Правда, петербургский «джигит» Петр I не поражает копьём змия, но конь под императором попирает гада копытом...

Вернуться к замыслу о сквере Георгиевских кавалеров в Барнауле меня заставили не только новые для меня имена героев, которые я открыл для себя в архиве или в музее. Я вспомнил свой студенческий Томск и Лагерный сад. Сколько сибирских полков ушло из него на Отечественную войну 1812 года? Вспомнил набережные Иртыша, Енисея, Ангары. И с этих берегов уходили защищать Отечество и в 1808 г., и в 1904, и в 1914-м.

Уважаемые читатели! Уберите из моих заметок слово «Барнаул», замените его на Томск, Красноярск, Омск, Иркутск. Вспомните своих кавалеров Георгиевских. Многие из них, надеюсь, названы в четырех томах капитального труда «Георгиевские кавалеры», составленного Шиловым, и вышедшего в Москве 10 лет назад. Какое славленное созвездие имен высветится на Сибирском небосклоне! Я приглашаю к исследованию историков из всех сибирских городов, в том числе и тех юных историков, что наполняют залы в день факультетских именин. А из Новосибирска я приглашаю отозваться Олега Владимировича Левченко. Сотрудник мэрии он давно на свой лад и небезуспешно занимается георгиевской темой. И не во всяком городе вдруг будет создан свой Георгиевский сквер. То архитекторы удила закусят, то власть не сразу отзовется на проект решительным делом. И пока скверы или мемориалы в замысле, можно ведь его утвердить и словом. Для этого и предлагаю на страницах областных и краевых журналов, а главное в «Сибирских огнях» открыть рубрику «Сибирская галерея Георгиевских кавалеров».

Р.С. Указом президента РФ 8 августа 2000 года статут ордена Св. Георгия восстановлен. Но к этой награде в последние годы никто не представлен.
